

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**Казьмин В.Н.,
Казьмина М.В.**

Борьба с инакомыслием в России в 60-80 гг. в России

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/2015-Kazmin-Kazmina.pdf>

Перепечатка с сайта Вестника
Кемеровского государственного
университета
<http://vestnik.kemsu.ru/Page/Main>

URL:<http://www.civisbook.ru>

УДК 34:94(470) "1960/1980"

БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ В РОССИИ В 60 – 80-е гг. XX ВЕКА*В. Н. Казьмин, М. В. Казьмина***THE FIGHT AGAINST DISSENT IN RUSSIA IN THE 1960S – 1980S***V. N. Kazmin, M. V. Kazmina*

В статье определены основные предпосылки возникновения инакомыслия, рассматриваются формы борьбы государства с ним. Раскрыто содержание и последствия уголовных процессов над диссидентами в различных регионах страны. Определены особенности инакомыслия в регионах Западной Сибири: латентные формы; небольшой круг участников, состоящий из преподавателей и студентов вузов; влияние правозащитников из центральных городов России. Результатом противостояния власти и диссидентов стало подавление инакомыслия в центре и регионах России в начале 1980-х гг. Идеология и формы борьбы различных течений диссидентов будут востребованы с началом политики перестройки.

The paper defines the main conditions of development of dissent and focuses on the forms of the state's fight against it. The content and consequences of criminal proceedings against dissidents in various regions of the country are revealed. The features of dissent in the regions of Western Siberia are: a latent form; a small circle of participants consisting of teachers and students; the influence of human rights defenders from Central regions of Russia. The result of the confrontation between the authorities and dissidents was the suppression of dissent in the center and the regions of Russia in the early 1980s, the ideology and forms of struggle of the various sects of dissenters will be in demand with the beginning of perestroika.

Ключевые слова: инакомыслие, формы протеста, власть, уголовный кодекс, суд.

Keywords: dissent, protest forms, power, criminal code, court.

В конце 50-х – начале 60-х годов XX века в стране начали возникать предпосылки для ограниченной демократизации и гласности. Появляется бесцензурная печать («самиздат»), где публикуются ранее запрещенные литературные произведения. В некоторых регионах оформляются кружки и группы советских граждан, критикующих положение дел в стране. Однако с приходом к власти команды Л. И. Брежнева ситуация меняется. Начинается усиление репрессий против инакомыслящих (политика «ресталинизации»).

Мнение о том, что началась политика «ресталинизации», связывают с началом судебного процесса над литераторами А. Синявским и Ю. Даниэлем, публиковавшими свои произведения за рубежом. Им было предъявлено обвинение по статье 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв или ослабление советской власти». Оба обвиняемых признали, что их публикации вышли за границы. В феврале 1966 г. Верховный суд РСФСР приговорил А. Синявского к 7, а Ю. Даниэля – к 5 годам лишения свободы [1, л. 9].

Из результатов процесса обычно делается и вывод о начале политики «ресталинизации». Это не совсем так. Следует согласиться с точкой зрения специалиста по правозащитному движению А. Ю. Даниэля (сына Ю. Даниэля), который пришел к другому выводу. Он считает, что новая власть, наоборот, начинает проводить более либеральную политику в отношении творческой интеллигенции, не желает с ней ссориться (нет грубых хрущевских выпадов; до лета 1965 года не было ни одного арестованного по политическим мотивам; на свободу выходят сотни критиков Н. С. Хрущева) [7, с. 232].

Эту тенденцию подтверждают и региональные примеры. Так, в январе 1965 г. решением Президиума Верховного суда РСФСР освобождается из лагеря омский литератор Б. Ф. Леонов, осужденный в 1958 г. за «антисоветские публикации и высказывания». Его взгляды и высказывания признавались политически

ошибочными, но не содержащими состава преступления [14, с. 273].

Результат политического процесса над А. Синявским и Ю. Даниэлем – своеобразное политическое послание новой власти интеллигенции о том, что репрессии будут применяться только в отношении явных «антисоветчиков». Шельмования интеллигенции, как это было при Н. С. Хрущеве, не будет. Но и интеллигенция не должна выходить за рамки установленных властью правил и норм. Отсюда и определенная гласность и открытость процесса над А. Синявским и Ю. Даниэлем [7, с. 232].

Однако события пошли не по сценарию, написанному властями. Часть интеллигенции и московского студенчества отнеслась к суду над А. Синявским и Ю. Даниэлем как к посягательству на права человека, на советскую Конституцию.

Именно с акций в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля начинается организованное правозащитное движение. 5 декабря 1965 г. (в день принятия Конституции СССР 1936 г.) на Пушкинской площади в Москве проводится митинг под лозунгами гласности суда и уважения Конституции СССР. Формой протеста являлись и письма в защиту подсудимых. В органы власти направляется несколько десятков писем с подписями [18, с. 19].

Как видим, компромисс не состоялся. Незначительные уступки власти были восприняты частью интеллигенции как определенный стимул для организации протестных (мирных, легальных) действий. Власть увидела в этом опасность для себя. В сентябре 1966 г. в Уголовный кодекс РСФСР вносятся дополнения в статьи 190-1 и 190-3. Статья 190-1 УК РСФСР звучала следующим образом: «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной фор-

ме произведений такого же содержания». Санкция – до 3 лет лишения свободы.

В статье 190-3 УК РСФСР утверждалось: «Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти или повлекших нарушения работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий». Санкция – до 3 лет лагерей [10, с. 546].

Данные уточнения дополняли принятую в 1961 г. статью 70 УК РСФСР, в которой говорилось: «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания – наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время – наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки» [3, с. 272].

Эта статья и новые дополнения в УК РСФСР явно противоречили конституционным правам советских граждан. Ситуация во взаимоотношениях официальных структур с правозащитниками усугубилась в 1968 г. В январе 1968 г. начинается новый процесс над «самиздатчиками» А. Гинзбургом, Ю. Галансковым, А. Добровольским, В. Лашковой, которые опубликовали за границей документальный сборник о процессе над А. Синявским и Ю. Даниэлем («Белая книга»).

Речь на процессе шла не просто о публикации книги за границей, а о связи арестованных с зарубежными антисоветскими организациями. В ходе его совершается значительный поступок, определивший дальнейшую стратегию и тактику правозащитников – обращение двух диссидентов – П. Литвинова (внук наркома иностранных дел в сталинский период) и Л. Богораз (жена Ю. Даниэля) – к иностранным корреспондентам по поводу нарушений прав человека. Оно распространяется за рубежом [7, с. 236].

Однако и действия власти были не столь примитивны в сравнении с предшествующими временами. Так, в отношении А. Синявского на заседании Политбюро ЦК КПСС от 19 мая 1971 г. принимается решение о помиловании и освобождении его из мест заключения (ранее был освобожден Ю. Даниэль). Это было связано не столько с проявлением гуманности по отношению к ним, а с тем, что они уже не представляли для власти существенной опасности. Факты публикации произведений за границей литературных произведений к 1971 г. стали обыденным явлением. На первый план выходила борьба с распространением «самиздата» и инакомыслия внутри страны.

В 1971 г. в средствах массовой информации западных стран появляется информация о «расширении рядов политической оппозиции в СССР на базе недо-

вольства существующей политикой». Ведущая роль в противостоянии власти отводилась А. Солженицыну, А. Сахарову, П. Якиру.

Влиятельными участниками движения считались, по мнению западных журналистов, Ж. и Р. Медведевы, А. Амальрик, В. Буковский, П. Григоренко, А. Марченко, М. Растропович, В. Чалидзе, В. Турчин, П. Капица [12, л. 46]. Следует отметить, что именно московское ядро инакомыслящих играло ведущую роль по отношению к его участникам из других городов страны.

Инакомыслие, пусть и в своеобразных формах, проявлялось и в регионах. Его отличительная черта – латентные формы, нонконформизм. Самодеятельная политическая жизнь, в том числе и Западной Сибири, строилась на распространении доставленной из Москвы самиздатской литературы и предоставлении информации о нарушениях прав в регионах. Данные спецслужб содержат информацию об активной позиции студенчества и преподавателей в городах Томске, Новосибирске.

В Западной Сибири центром инакомыслия был Академгородок в Новосибирске. Известный сибирский историк В. Л. Соскин вспоминает об атмосфере свободы в Академическом городке в Новосибирске. «Помню, как по ночам, допустим, идешь и несешь за пазухой перефотографированные солженицынские книги, которые дали прочитать» [9, с. 424].

Профессор Томского государственного университета Б. Г. Могильницкий также отмечает, что в 1970-е гг. обсуждал с коллегами проблемы альтернативности развития в истории, Октябрьской революции и события в Венгрии и Чехословакии [9, с. 416].

Существенным в распространении инакомыслия в Западной Сибири являлся фактор ссылки сюда правозащитников из центральных городов. Например, в 1970-е гг. ссылку в Тюменской области отбывал Б. Б. Вайль – за распространение самиздата; в Омской области – М. М. Молоствов. Находясь в ссылке, они продолжали получать самиздатскую литературу и информацию о положении дел в диссидентстве и делились сведениями с местными вольнодумцами (Б. Ф. Леоновым и др.) [14, с. 279]. В Алтайском крае на административном поселении находился известный украинский правозащитник М. Руденко. В Томской области – О. Радзинский [2, с. 5, 29]. Влияние самиздатской литературы, в силу узкого круга её распространения, не следует преуменьшать. Необходимо учитывать и такой важный фактор – многие её материалы зачитывались по зарубежным радиостанциям, работавшим на страну. «Зарубежные голоса» слушала и определенная часть интеллигенции.

К 1971 г. проявление инакомыслия стало относительно заметным явлением. По данным КГБ СССР было выявлено и «профилактировано» около 527 групп и 2304 участника.

«Политически вредные группировки» существовали в Ленинграде, Свердловске, Туле, Владимире, Омске, Казани, Тюмени. По подсчетам историка С. Г. Сизова в Омской области по политическим статьям в 1970 – 1980-е гг. было арестовано более 30 человек. Пик арестов был достигнут в 1971 – 1975 гг. – 24 человека. Правда, большинство арестованных являлись религиозными диссидентами [15, с. 69].

В целом по РСФСР по политическим статьям, по мнению авторов данной публикации, было осуждено в 1971 – 1975 гг. 803 человека. По статьям (70 и 190-1 УК РСФСР) в этот период в среднем ежегодно осуждалось 160 граждан.

В октябре 1972 г. Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов и Генеральный Прокурор СССР Р. Руденко предложили новый способ борьбы с инакомыслием. В своей докладной записке в ЦК КПСС они писали: «В целях усиления предупредительного воздействия на лиц, пытающихся встать на путь совершения особо опасных преступлений, а также более решительного пресечения нежелательных проявлений со стороны антиобщественных элементов, считали бы целесообразным разрешить органам КГБ делать в необходимых случаях официальные письменные предупреждения от имени органов власти с требованием прекращения проводимой ими политически вредной деятельности и разяснения последствий, которые может повлечь за собой её продолжение.

На наш взгляд, это существенно повысило бы моральную ответственность профилактируемых, а в случае совершения ими криминальных действий и привлечения к уголовной ответственности имело бы значение для оценки личности преступника органами предварительного следствия и суда» [13, л. 2].

Данное предложение рассматривается на заседании Политбюро ЦК КПСС 16 ноября 1972 г. и одобряется проект Указа Верховного Совета СССР «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия». В нем говорилось, что для объявления предостережения лицо вызывается органом государственной безопасности, а в случае неявки может быть подвергнуто приводу. Если лицо совершит преступление, наносящее ущерб интересам государственной безопасности, протокол о сделанном ему предупреждении приобщается к уголовному делу [13, л. 4].

Термин «профилактика» займет основное место в отчетах КГБ и его отделений в регионах страны, что не означало прекращения прежних форм уголовного преследования. По-прежнему статьи 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и 190-1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй) будут использоваться в борьбе с инакомыслием.

За период 1971 – 1985 гг. по статье 190-1 (введена в сентябре 1966 г.) и статье 70 УК РСФСР было осуждено 1690 человек (в среднем 112,6 в год). Например, в предшествующий период (1958 – 1966 гг.) число осужденных составляло за антисоветскую агитацию и пропаганду – 3448 человек (в среднем 312 в год). Причем в 1958 г. (период оттепели) по политической статье осуждено 1416 человек [3, с. 93]. То есть степень репрессивной политики в период «оттепели» была гораздо выше.

О борьбе с инакомыслием в период хрущевской оттепели свидетельствуют и документы в регионах. В книге «Томские заморозки в период хрущевской оттепели» содержатся материалы судебных дел о борьбе с инакомыслием среди преподавателей вузов Томска. Так, в антисоветской агитации и пропаганде, содержащей призыв к «подрыву и свержению Советской вла-

сти», необоснованно обвиняется старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Томского государственного педагогического института Э. Г. Юдин (выдающийся философ, один из основателей методологии системных исследований). Судебная коллегия Томского областного суда приговорит его к лишению свободы на 10 лет [16, с. 215]. И это не единичный пример, приведенный в данном сборнике документов.

В 1970-е гг. тактика в борьбе с инакомыслием принципиально меняется. Упор делается на предупредительно-профилактическую работу. За 1971 – 1974 гг. было профилактировано 63108 человек и пресечена на стадии формирования деятельность 1839 антисоветских групп. Меры профилактики, по словам Ю. В. Андропова, продолжают оставаться основными в работе органов [3, с. 93].

По данным министерства юстиции численность осужденных по политическим мотивам в 1976 – 1979 гг. (период разрядки) составляла 110 – 170 человек в год. Причем по диссидентским статьям – не более 70 человек. Основное внимание уделялось «профилактированию». Исследователи диссидентского движения считают, что соотношение возбужденных уголовных дел и «профилактирования» соотносится 5 : 95 [7, с. 253].

Подобная тенденция наблюдалась и в Западной Сибири. В Новосибирской области в докладных записках областного прокурора П. А. Погребняка в Прокуратуру СССР о работе по осуществлению надзора в следственных органах госбезопасности за 1977 – 1978 гг. отмечалось, что дел по антисоветской деятельности не возбуждалось. В это время УКГБ в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении предостережения в качестве профилактики» было сделано 6 предостережений [6, л. 2].

В 1977 г. профилактические предупреждения получили А. Г. Евтюхин, 1955 года рождения, член ВЛКСМ, студент института народного хозяйства, и П. В. Цветков, 1955 года рождения, регулировщик завода «Точмаш» Новосибирска. «Они совместно с П. И. Романовым, 1955 года рождения создали «организацию», чтобы бороться с имеющими недостатками в государстве, в том числе с пьянством. Стремилась привлечь в организацию новых членов. Изготовили 60 листовок. Распространили 60 листовок с идейно вредным материалом» [5, л. 31].

В декабре 1977 г. предостережение получили И. П. Беломестный, 1919 года рождения, беспартийный, и А. А. Муравьев – заправщики Новосибирского авиапредприятия. Они совершали «клеветнические высказывания, порочащие государственный строй СССР, политику КПСС, Конституцию СССР и пытались обработать отдельных рабочих предприятия» [5, л. 32].

В 1978 г. предупреждение выносятся М. Ю. Тихонову, 1958 г. рождения, члену ВЛКСМ, студенту Новосибирского инженерно-строительного института, и преподавателю физической подготовки средней школы села Вьюны Кольванского района В. В. Гатальскому в связи с изготовлением и распространением 7 ноября 1977 г. листовок «политически вредного содержания» [6, л. 2].

Наряду с профилактикой органы используют и другие меры. К ним Ю. В. Андропов относит компрометацию авторитетных правозащитников, лишение некоторых лиц советского гражданства и высылку их за границу, разрешение выезда многим «экстремистам» из СССР в Израиль.

Ю. В. Андропов заявляет, что в данный момент полностью отказаться от уголовного преследования лиц, выступающих против советской власти, невозможно. Это повлекло бы за собой увеличение особо опасных государственных преступлений и антиобщественных проявлений.

Он считает, что деятельность диссидентов, которая сначала ограничивается антисоветской пропагандой, в ряде случаев принимала опасные формы (террор, подполье с целью свержения советской власти, связь с зарубежными спецслужбами, шпионаж).

КГБ СССР определил линию своего поведения следующим образом «...разумное сочетание профилактических и других оперативно-чекистских мер с мерами уголовного преследования в тех случаях, когда это необходимо» [3, с. 94].

По итогам работы КГБ СССР в 1982 г. его руководитель В. Чебриков докладывал, что «...завершено разложение пытавшихся действовать в СССР так называемых «русской секции международной амнистии», «хельсинских групп» и некоторых других подобных группирований; 17 наиболее активных их

участников привлечены к уголовной ответственности» [3, с. 256].

Власти в конце 1970-х – начале 1980-х гг. удалось подавить основные центры инакомыслия. Следующий удар наносился по их связям с регионами. В 1982 г. серия арестов происходит в Томске. Начинается процесс по «Томскому делу». 1 февраля 1982 г. у начальника Томского филиала Центральной Сибирской научно-исследовательской лаборатории криминалистики А. А. Чернышова проводится обыск и изымается самиздатовская литература, инструмент для переплетных работ, охотничье ружье. Чернышова арестовали и предъявили обвинение по статьям 190-1, 162 (занятие запрещенным промыслом), 218 УК РСФСР (незаконное хранение оружия) [17]. В результате судебного разбирательства по данному делу Чернышов был приговорен к 3,5 годам лагерей. Преследованию подверглись и другие участники, проходившие по этому делу [8, с. 413].

Таким образом, в 60 – 80-е гг. XX века инакомыслие, протесты отдельных граждан подавляются органами госбезопасности, но идейные сомнения вносятся в различные слои советского общества. Они неизбежно должны были проявиться в более благоприятных политических условиях. Эти условия начнут формироваться с приходом к власти в марте 1985 г. М. С. Горбачева и объявлением политики перестройки. Начиналась новая фаза идейного противостояния.

Литература

1. Архив Самиздата (АС). Собрание документов самиздата. Т. 9. Док. 667.
2. Вестник из СССР. Т. 2. Вып. 23/24. Нью-Йорк, 1983.
3. Власть и диссиденты. Документы и материалы КГБ и ЦК КПСС. М., 2006.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-435. Оп. 1. Д. 76.
5. ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 476.
6. ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 498.
7. Даниэль А. Ю. Диссидентская активность и правозащитное движение в постсталинскую эпоху // История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР. М., 2002.
8. Каменный мост. Томск, 2005.
9. Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск, 2006.
10. Погружение в трясину (Анатомия застоя) / Сост. и общ. ред. Т. А. Ноткиной. М.: Прогресс, 1991.
11. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. ПЕР. 25. Д. 13.
12. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 98.
13. РГАНИ. Ф. 89. ПЕР. 25. Д. 41.
14. Сизов С. Г. XX век – не для камина. Омск, 2009.
15. Сизов С. Г. Судебные процессы по политическим статьям в Омской области (1964 – 1987) // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 2. Томск, 1998.
16. Томские заморозки хрущевской оттепели. Томск, 2010.
17. Томский вестник. 1991. 19 марта.
18. Цена метафоры или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1990.

Информация об авторах:

Казьмин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета КемГУ, 31 -08-63.

Vladimir N. Kazmin – Doctor of History, Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Казьмина Маргарита Васильевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 31-08-63, Rita-KMV@yandex.ru.

Margarita V. Kazmina – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 19.02.2015 г.